

ЛЬДЫ И ЛОДКА

рассказ

Впервые на катер «Петушок», известный мне по рассказам штурмана, я вступил с парадного трапа «Беломорканала».

Парадный трап — это наклонная лестница со ступеньками и перилами.

«Петушок» должен был доставить нас на ледокольный пароход «Георгий Седов».

Но вот передо мной шторм-трап «Седова». Это веревочная лестница, опускающаяся прямо по борту.

Стоя на палубе катера, я выжидал момент, когда волна подбросит катер вверх и можно будет ухватиться за перекладину.

По сравнению с гигантом «Беломорканалом» «Седов» казался совсем маленьким.

Вслед за Нетаевым я все-таки ухитрился подняться на борт корабля. Здесь все было просто и не так блестело, как на «Беломорканале», но выглядело по-домашнему уютно.

Встретил нас пожилой моряк в брезентовом плаще, сухощавый, плотный, с поседевшими висками.

— Можно пройти к капитану? Меня назначили его третьим помощником, — обратился к нему Нетаев.

— Я и есть капитан, — тихим голосом сказал моряк. — Зовут меня Борис Ефимович. — Он мягко улыбнулся.

Каюта третьего помощника уже ждала Нетаева. Я хотел разместиться у него, но Борис Ефимович слышать об этом не хотел и поселил меня в салоне, смежном с его каютой.

Несколько месяцев я прожил рядом с капитаном «Седова».

Он никогда не затворял дверь в свою каюту. Часто я видел, как он ночью или днем на короткое время ложился отдохнуть, но никогда этот

человек, всегда бывший начеку, не позволял себе раздеться. Большую часть времени он проводил на мостике. Это был искуснейший полярный навигатор. Он знал повадки льдов и ветров. Иногда, сидя над картами ледовой разведки, он выбирал кружной путь, чтобы миновать льды, иногда же устремлялся к ним, как к друзьям. Это бывало, когда море разгуливалось и наш корабль начинало валить с боку на бок, чего Борис Ефимович терпеть не мог. Он очень боялся за свои плавсредства: кунгасы и катер «Петушок». Потерять их — означало сорвать весь полярный рейс: ни на один остров не попадешь.

Мы направлялись к Дальней Земле, к острову Домовитому.

Борис Ефимович тонкий музыкант. Он чудесно играл на аккордеоне. Однажды я заслушался его, совершенно забыв, где мы находимся. Вдруг корпус судна содрогнулся. Капитан отбросил аккордеон.

— Что он делает? Что он делает? — гневно закричал он и побежал на капитанский мостик.

Я поднялся следом за ним. Вокруг были сплоченные льды. Корабль только что вошел в них.

Впервые я видел столько льдов. Гигантское взломанное ветром и волнами поле уходило за горизонт.

Так вот куда отступили льды, которые некогда, в давние ледниковые времена, властвовали над землей, спускались на равнины Европы! Вот они где, оттесненные солнечным теплом, но не уничтоженные, не расплавленные!

Могучие, тяжелые льдины мерно поднимались и опускались. Казалось, ледяное поле дышит, давя волны своей тяжестью.

— Разве можно ударять так форштевнем? — отчитывал капитан штурмана Нетаева. — Раз навсегда запомните: не бейте сами льдин, вызывайте меня. Ведь корабль старенький... Теперь вот проверяй заклепки во всех швах!

— Это же ледокольный пароход. Льдина легко расколосась, — оправдывался смущенный Нетаев, не зная, куда деть глаза.

— Ледокольный корабль! Да он почти мой ровесник! Его беречь надо... Путь надо выбирать между льдинами. Вот смотрите. Право на борт. Вот так, оттесняйте ее бортом, толкайте. Лево на борт! Стоп. Назад. Отступите. Вперед до полного. Теперь ударим легонько...

За кормой вскипала вода. Мелкие разбитые льдины ныряли и ошалело выскакивали из воды. Корабль, сотрясаясь всем корпусом, прорывался вперед. Льдина, расколота форштевнем, трескалась, перевортывалась, уходила вниз под воду.

— Лево на борт! — командовал капитан. Голос его был резок, звучен.

Рулевой перебирал ручки штурвала.

— Не спите! — кричал на него капитан. — Быстрее. Еще лево!

Послушный корабль ловко уклонялся от встречи с льдиной и входил в проход, который угадывал Борис Ефимович.

Льды с хрустом и шорохом терлись о борта.

Остров Домовитый. Трудно себе представить более ироническое название. К вечеру мы добрались до него. Пустынный островок, на котором не растет даже мох, — одни камни. На пяточке каменистой отмели домик, тот самый, в котором жил со своими товарищами полярник Кушаков, впервые обследовавший и нанесший на карту Дальнюю Землю.

На острове Домовитом «Седов» менял полярников. Я побывал в домике станции. Меня сопровождал Степан Федорович Зимин, начальник зимовки, снова остающийся на острове. Показывал он мне свое хозяйство с некоторой гордостью.

— Вот форточка, — говорил он. — Из нее за одну зиму убито одиннадцать белых медведей. — До чего беспокойные звери. Прямо в окна лезут.

В большой комнате было не слишком уютно. Здесь жили одни мужчины. Но все было устроено рационально, разумно. На стенных полках разместилась чудесная библиотека.

Начальник полярной станции был высокого роста. Он дотянулся до самой верхней полки и подал мне книгу Гончарова «Фрегат «Паллада».

— Собственноручная надпись автора, — показал он первую страницу.

Оказывается, библиотека была подарена полярникам одним советским ученым — страстным библиофилом.

Степан Федорович Зимин повел меня по своим «производственным цехам», как называл он площадку с метеобудками, похожими на пчелиные улья, ветряк, антенну, машинное отделение с бензиновыми движками, аккумуляторную, радиорубку.

— Замечательное место, — говорил он про остров Домовитый. — Живем весело. Кругом красота, — он сделал широкий жест.

Я с недоверием взглянул на каменистую гряду острова.

— Сомневаетесь? — усмехнулся полярник. — Пойдемте, покажу, — и он повел меня на гряду.

Камни хрустели под ногами. Я рассматривал своего спутника. Ему стало жарко, и он снял шапку. У него были коротко стриженные волосы, прямоугольный лоб над лохматыми бровями, чуть прищуренные, веселые глаза, выступающие скулы и тяжеловатый подбородок. Движения его были подчеркнута спокойны. Верно, он никогда не торопился.

Я знал, что Зимин лет пятнадцать прожил в Арктике, побывал едва ли не на всех островах.

— Первый месяц отпуска, — говорил он мне по дороге, — по театрам хожу, никак насмотреться не могу. Второй месяц — на юг. Лежу под пальмами — от жары пропадаю. Терплю — тепла набираюсь. А третий месяц — уж и не знаю, куда себя деть. Такая тоска возьмет, что хоть вой... За пригоршню снега годовую бы надбавку отдал... Однажды даже с альпинистами увязался, только бы льды повидать... А когда доберешься снова до Арктики, увидишь свои просторы... сердце замрет, — и Зимин опять по-хозяйски повел вокруг рукой.

Мы с ним стояли на гряде, откуда открывался вид на взломанное ледяное поле.

Освещенное солнцем, оно поразило меня. Изломы льда сверкали, переливаясь голубым, зеленоватым, ослепительно белым цветом. До самого горизонта виднелись следы борьбы титанических сил, которые взломали белую равнину, раскололи ее, подняв там и тут бесформенные торосы со сверкающими алмазными гранями.

— Какая сила... какая сила! — невольно вырвалось у меня.

Зимин задумался, потом сказал:

— Смотрел я, как ваш корабль через льды к нам пробивался. Корабль у вас знаменитый. И борта у «Георгия Седова» крепкие, железные, и форштевень стальной. Машина могучая, в два раза мощнее, чем у такого большого корабля, как «Беломорканал». А вот представьте себе, как среди льдов на резиновой лодке плыть.

Я искренне удивился:

— Как это на резиновой лодке?

— Да... на резиновой лодке. Был такой случай. Хотите, расскажу?

— Конечно.

Мы сели на камни. Видя перед собой поле сверкающих льдов, я живо представил себе все, о чем рассказывал Степан Федорович.

«На острове нас было четверо. Остров был так же гол и скалист, как этот. Только лед да снег. Мы сообщали по радио сведения о погоде и льдах. В «бюро погоды» на картах появлялись цифры, позволяющие делать прогнозы. По ним капитаны кораблей знали, как движутся льды, и верно выбирали путь. Летчики решали, можно ли вылететь.

Во время Отечественной войны наши сведения стали особенно ценными.

Мы с Иваном Григорьевичем Тереховым, начальником полярной станции, просились на фронт. Нам сказали коротко — надо нести военную вахту на нашем острове. Мы и остались. С нами была жена начальника Мария Семеновна, радистка, и десятилетний Федя, сын Тереховых.

Федя хотел стать моряком. Мы с ним дружили и вместе изучали морские лоции, найденные в книжном шкафу.

Паренек он был немногословный и серьезный, такой же приземистый и широкоплечий, как отец. Над кроватью Феди висел портрет знаменитого капитана Воронина. На тумбочке всегда лежали книги об Арктике.

Мы не чувствовали себя оторванными от родной страны. Утром и вечером слушали сводки Совинформбюро, перекалывали на карте флажки, горевали или радовались.

Был вечер. Я только что вернулся в дом после зарядки аккумуляторов.

Иван Григорьевич переписывал чернилами показания своих приборов — на воздухе он писал простым карандашом, чтобы буквы не расплывались. Мария Семеновна чинила мои носки. Она была не только радисткой, но и заботливой хозяйкой: готовила вкусные обеды, шила рубашки, стирала белье.

— Чайку попьем, — певуче сказала Мария Семеновна и пошла на кухню.

В окно было видно море с редкими льдинами. Далеко на горизонте виднелся один из ближайших островов, издали напоминающий грозовую тучу.

Здесь постоянно дымили пароходы. Наш остров был одним из самых ближних к водам, где шла война.

Я сел рядом с Федей.

Вдруг под окном что-то ухнуло, пол под ногами вздрогнул, загремела посуда на кухне, звякнуло стекло. Черный едкий дым ворвался в комнату.

Отбросив стул, начальник кинулся в сени. Там висели винтовки, приготовленные на случай медвежьих или других неожиданных визитов.

Я подбежал к окну. Немного левее льдин, на которые я только что смотрел, всплыло огромное серое бревно с седлом-башенкой — подводная лодка. Я слышал, что она прорвалась на наши коммуникации, была обнаружена и теперь, загнанная, обреченная, металась между островами. Вот она где!..

— Фашисты, — прошептал Федя, сжимая мою руку.

— Дядя Степа, фашисты!

— Скорее из дома! — крикнул я.

Второй снаряд попал в дом, когда мы уже были в сенях. Воздушная волна сорвала дверь. Федя мячиком вылетел на улицу.

Мария Семеновна упала на камни, держась за правый бок. В ее руке была винтовка. По белому оренбургскому платку растекались яркие алые пятна.

— В скалы! — крикнул нам Терехов, а сам поднял раненую жену на руки. Он хотел низко пригнуться, но ноша мешала ему. И он, тяжело ступая, пошел во весь рост.

С моря затрещал пулемет. Нас заметили.

Мы залегли в камнях. Федя перевязывал мать. Она сама говорила, как и что делать! Но голос ее заметно слабел.

Мальчик не плакал.

Со стороны дома несло жаром. Дом наш пылал. Гитлеровцы подожгли его зажигательными снарядами.

— Рация-то... рация... — Мария Семеновна почти беззвучно шевелила губами. — Хлопчик мой... хлопчик. — Глаза ее были полны слез, лицо посерело, а губы стали совсем синими.

На мостике подводной лодки копошились черные фигуры.

— Они спускают лодку, не смейте стрелять! — сказал Терехов.

Я удивленно глянул на него.

Иван Григорьевич стал переползать к прибрежным камням и знаками позвал меня за собой. Я понял план Терехова — он хотел подпустить десант поближе.

Гитлеровцы плыли в резиновой лодке.

Иван Григорьевич стрелял замечательно. Стоило нерпе высунуть из воды голову — он с одного выстрела попадал в нее.

Терехов выстрелил, но никто из сидевших в лодке не упал. В ответ затрещали автоматы.

Пахло гарью. Ветер понес на нас дым от горящего дома. Глаза слезились. Душил кашель.

— В лодку цель, в лодку! — командовал Терехов. — Дырявь ее, проклятую!

После одного из выстрелов лодка стала тонуть. Гитлеровцы просчитались. Они, наверное, думали, что полярники сдадутся без боя.

— Тоните, проклятые! — Терехов даже приподнялся.

Раздался взрыв, нас обдало камнями и кусками льда. С подводной лодки били из пушки.

Резиновая лодка стала погружаться. Четыре гитлеровца барахтались в воде. Я злорадствовал. Пусть узнают, что такое вода полярного моря. Ее температура ниже нуля! Прошлой осенью у нас прибоем угнало единственную нашу шлюпку. Я бросился ее догонять, но меня так ошпарило, словно я в кипяток попал. Лодку унесло.

Я видел, как фашисты один за другим исчезли. С подводной лодки им даже не успели оказать помощь, так быстро они скрылись под водой. Тут я потерял сознание...

Когда я пришел в себя, подводной лодки уже не было. На том месте, где лежал Терехов, в развороченных камнях чернела воронка.

Сколько я так пролежал — не знаю. Очнувшись, пополз к камням, где остались Федя и Мария Семеновна. Левая нога и рука плохо слушались. В ушах гудело, перед глазами шли круги.

Я напрасно полз. Можно было идти: гитлеровцы ушли. Не решились высадить десант.

Я нашел Федю. Он скорчившись сидел возле матери и молча смотрел на нее. Он не плакал. Когда я подошел, мальчик бросился ко мне, вцепился в меня. Оказывается, он думал, что и я убит. Отца он не нашел. Даже не понял, куда тот исчез...

Мария Семеновна лежала на спине, словно вглядывалась в нависшие над островом тучи.

Дом наш догорал. Дым низко стелился над запорошенной снегом землей.

По морю плыли одинокие льдины. Вода потемнела. Пронесся короткий снежный заряд. Дым пожарища смешался со снегом.

Мы с Федей рыли могилу. Это было трудно. Приходилось вырубать слой вечной мерзлоты.

Работая, я думал, что нас хватятся, когда перестанут получать наши сводки. Прикажут попутному кораблю зайти на остров. Может быть, пришлют самолет. Однако раньше, чем дней через десять, помощи ждать нельзя.

Проживем... Склад сохранился, продукты в нем есть. Но как быть со сводками? Именно сейчас наши сводки особенно нужны.

В вырытую яму мы положили Марию Семеновну. Потом, отослав Федю, я перенес в могилу то, что осталось от его отца...

Когда Федя вернулся, я уже насыпал небольшой холмик. Вместо памятника мы укрепили на холмике винтовку Ивана Григорьевича с изогнутым стволом.

Я посмотрел на дымящиеся развалины... и сообразил: могилу можно было рыть на месте пожарища — там земля оттаяла. Но об этом надо было подумать раньше.

Подавленные, мы поплелись к складу. Пока я приспособливал его под жилье, Федя ушел на пожарище. Прибежал он взволнованный.

— Дядя Степа, на берег выбросило лодку!

Я выбежал из сарая. Снежная пелена скрывала горизонт.

Волны то выбрасывали резиновую лодку на берег, то снова стаскивали ее в воду. Без людей она не тонула. В каком-то ее отсеке оставался воздух. Я смотрел на море. Где-то на соседнем острове помещалась база военных моряков. У них есть рация. А что если... Ведь все наши метеоприборы уцелели!

До соседнего острова не так далеко.

Я решил посоветоваться с Федей, а главное — загрузить его работой, отвлечь, занять... Я ни минуты не давал ему быть без дела.

Мы принялись за починку лодки. Растворив в бензине кусочек каучука, который я отодрал от своей подошвы, мы сделали резиновый клей. Наложили четыре заплаты.

На лодке были повреждены и переборки между отсеками, но я решил их пока не чинить.

Потом я послал Федю на метеоплощадку. Он снял самописцы, термометры и другие приборы, залез на столб и снял флюгарку. Все это мы решили взять с собой, чтобы оборудовать метеоплощадку около базы военных моряков.

Спустя сутки я испробовал лодку у ледяного припая.

Измученный, Федя спал.

На рассвете, если в море будет достаточно льдин, чтобы хоть немного унялись волны... и если их будет не слишком много, мы тронемся в путь.

Уснуть я не мог, все думал, имею ли я право рисковать жизнью мальчика? Не лучше ли сидеть на острове и ждать помощи?

Потом бродил по пожарищу. Вот кухонная плита. Около нее, напевая, бывало, украинские песни, хлопотала Мария Семеновна. Вспомнился Иван Григорьевич. Как поступил бы он на моем месте? Конечно, решился бы плыть.

Надо известить штаб навигации о том, что произошло. И главное, надо немедленно возобновить работу метеостанции в этом районе. Это нужно летчикам, морякам.

Дул резкий ветер. Разгулялся сильный прибой. В редкие минуты, когда выглядывало солнце, над камнями в мельчайшей водяной пыли загоралась радуга.

Я разбудил Федю. Он жмурился и ничего не мог понять.

— Собирайся, поплывем.

Федя вышел из сарая. Пусть выплачется.

Прощаться с могилой мы ходили вместе. Стояли молча без шапок и оба клялись отомстить врагу. Федя нарвал мху, карликовых цветочков и положил их на холмик...

Весла у нас сохранились от старой шлюпки. Мы приспособили их к трофейной лодке и отплыли.

Лодка была изрядно нагружена нашим багажом.

Кроме метеоприборов, мы взяли провизию и оружие.

Федя сидел на руле, а я греб. Самое трудное было — отплыть от берега. Лодочка наша то проваливалась вниз, то взлетала на гребень волны.

— Как на качелях! — крикнул я. Хотелось мне подбодрить мальчика.

Федя даже не отозвался на шутку. Бедняга! Держался он молодцом.

Все же мы отгребли от берега. Качка стала меньше, а может быть, мы просто привыкли к ней... Этот мальчишка был прирожденным моряком. Я не знаю, кто из его сверстников выдержал бы такую качку. У меня и то помутилось бы в голове, если бы я не сидел за веслами. Ничто так не помогает при качке, как работа.

Выйдя из полосы прибоя, я стал грести медленнее, чтобы сохранить силы на весь переход.

Некоторое время около лодки плыла нерпа. Она высунула голову из воды и смотрела на нас. Стрелять я не стал: все равно мы не смогли бы взять ее с собой.

Островок удалялся. Тоненькая радиомачта то появлялась, то исчезала. Шел мелкий снег. Льдины стали попадаться чаще. Мы легко огибали их, и я начал думать, что все это не так уж страшно. К тому же ветер переменялся и стал попутным. Я рассчитывал еще засветло добраться до острова, переночевать на берегу, а завтра обогнуть остров и дойти до базы.

К полудню начала сказываться усталость. На руках появились мозоли, скоро они превратились в кровавые. Однако нужно было грести.

Ветер снова переменялся и стал дуть нам в бок. Я предпочел бы даже встречный ветер. Боковой был особенно неприятен. Волны били в низкий борт. Лодку заливало, и Феде все время приходилось откачивать

воду. Против волн идти было невозможно. Мы сбились бы с курса. К тому же нас могло пронести мимо острова, к которому мы направлялись.

Небо опустилось почти к самой воде. То и дело налетали снежные заряды. Издали они казались огромными косыми столбами и походили на сказочных великанов, которые, нагнувшись вперед, вброд переходили море.

Когда налетел заряд, серая мгла скрывала все вокруг. Каждое мгновение на нас могла наскочить блуждающая льдина и распороть лодчонку.

С болезненной остротой чувствовал я свою ответственность за жизнь мальчика. Чтобы отвлечься, я стал расспрашивать его о родственниках на Большой Земле.

Федя вдруг заявил, что останется со мной в Арктике до тех пор, пока не вырастет и не сделается моряком.

Оттого, что мы так уверенно говорили о нашем будущем, нам было легче плыть. Развлекая мальчика, я фантазировал:

— Вот если бы отгородиться как-нибудь от идущих с севера льдов! Если бы льды не попадали на судоходную трассу, вот здорово было бы! Молодой годовалый лед, который появляется здесь каждую зиму, нашим ледоколам не страшен. Они могли бы плавать круглый год. Беда в тяжелом паковом льду, который пригоняют ветры.

Мальчик слушал меня внимательно, но недоверчиво.

— Я, дядя Степа, когда вырасту, стану капитаном. Мне на льды наплевать, — сказал он низким голосом и сплюнул.

Льды не заставили себя ждать.

Когда льдины проплывали совсем близко, был слышен плеск воды. Это волны разбивались о лед.

Льдин становилось все больше и больше.

Покачиваясь, проплывали они мимо, грозя задеть нас.

Пришлось бросить весла. Я стоял на коленях и веслом отталкивался от напиравших льдин. Лодочка медленно поднималась

вверх вместе со всей громадой окружавших нас льдов. Потом так же медленно опускалась...

Я заботился лишь о том, чтобы льды не раздавили нас. О выборе направления теперь нечего было и думать.

Вдруг показался остров. Нас проносило мимо него.

Я стал отчаянно прорываться к берегу. Но льдины были сильнее нас... Я не смел взглянуть на мальчика, но все же пересилил себя. Федя стоял в лодке и, так же упорно как я, отталкивался от льдин веслом.

Вокруг все было бело от льдин... Откуда их принесло столько? Они уже распороли в одном месте обшивку нашей лодочки. Лодка дала течь. Счастье наше, что водой заполнился только один отсек и как раз тот, который не был пробит пулей.

Лодка глубоко осела. Федя вычерпывал воду.

Я уже решил выбираться на ближайшую льдину. Лодочка каждую минуту могла затонуть.

Резина омерзительно скрипела, как мяч, по которому проводят ладонью. Льдины терлись о борта.

Мы видели мыс острова. За этим мысом база. Виднелись даже домики. Они удалялись...

— Дядя Степа, что это стучит? — вдруг спросил мальчик.

Я ничего не слышал, у меня стучало в висках от усталости.

— Стучит, стучит, — настаивал мальчик.

Я прислушался. Да, над водой разносился ровный стук мотора.

— Катер.

Неужели это катер? Я не знал, что он есть на военной базе! Неужели нас заметили? Ну, конечно, заметили! Ведь моряки непрерывно наблюдают за морем. У них сильные бинокли.

Я сбросил с себя ватную куртку, прикрепил ее к веслу и стал размахивать над головой. Стало жарко, лоб покрылся потом, бороду запорошило снегом.

Катер! Катер! Мы еще не видели его, но слышали, определенно слышали!

Федя верил в помощь. И он был прав.

Скоро мы увидели катер. Он дошел до сплоченного льда и стал пробираться между льдинами. Остров удалялся, но теперь это не пугало.

Катер подошел к нам. Моряки спрыгнули на льдину... Побежали.

Я долго не мог говорить от усталости. А Федя мужественно рассказывал, что произошло. Только о родителях он ничего не сказал... Моряки и так все поняли.

Матросы бережно перенесли на катер наши метеоприборы, забрали и трофейную лодку, критически рассматривая ее.

Метеоплощадку мы с помощью моряков разбили на новом месте, недалеко от жилого дома. Старший лейтенант выделил мне в помощь старшину. Федя стал моим неизменным помощником, и мы втроем в течение нескольких месяцев несли регулярную метеовахту».

Степан Федорович кончил свой рассказ. Мы смотрели на сверкающие льды. Я старался представить себе между ними крохотную резиновую лодочку.

— А как же подводная лодка? — спросил я.

Степан Федорович оживился.

— Попалась... Попалась в архипелаге, как в сети. С севера подошли льды. Немцы их боятся. На восток идти, еще дальше от баз, — гибель. А назад прорваться не могут: наши катера-охотники путь отрезали. Неделю метались. Не рады, наверно, были гитлеровцы, что забрались в полярные воды... Тут еще проливы между островами льдом забивать стало. Побоялись фашисты подо льдом остаться. Всплыли. Тут их наши морячки с наблюдательного пункта заметили, как недавно нас с Федей. Послали несколько хороших снарядов. Больше не понадобилось.

Пора было идти на полярную станцию. Выгрузка кончилась. Мы возвращались со Степаном Федоровичем, и мне казалось, что я знаю его давно, давно.

— Вот и покидаете вы нас, — сказал он. — Скоро Борис Ефимович поведет своего «Седова» через сплоченные льды.